

А.К. Камалов*

Университет «Туран», Алматы, Казахстан
(E-mail: a.kamalov@turana-edu.kz)

О начальном этапе формирования советской репатриационной политики

В статье рассмотрен начальный этап формирования советской репатриационной политики в отношении выходцев из России, получивших в разное время убежище в Илийском (Кульджинском) районе китайской провинции Синьцзян. В результате политических катаклизмов начала XIX в. — социальных революций и гражданской войны — на территории приграничных районов Синьцзяна сосредоточилось значительное число беженцев из России, которые рассматривались советской властью как источник угрозы. Одним из способов ликвидации этого источника угрозы являлась их репатриация на родину, в которой также были заинтересованы и китайские власти, не желавшие пребывания на своей территории хорошо обученных воинов бывшей Российской империи. Необходимость репатриации выходцев из России также была обусловлена потребностью в человеческих ресурсах, столь нужных для восстановления экономики России после разрушительной гражданской войны. В статье исследованы основные принципы советской репатриационной политики, которые формировались в рамках большевистской идеологии и интересов советского государства. Эти принципы были усовершенствованы в последующие десятилетия существования советской власти, а ко времени массовой репатриации советских граждан из Синьцзяна в 1950–1960-е гг. был проведен в плановой форме, в согласовании с китайской стороной.

Ключевые слова: межгосударственная миграция, репатриационная политика, Семиречье, Синьцзян, Кульджинский край, гражданская война.

Введение

Современные границы многих государств формировались в последние столетия в ходе распада империй и колониальной системы. Это в полной мере относится и к российско-китайской границе, Центрально-Азиатский участок которой после распада СССР стал границей новых независимых республик с Китайской Народной Республикой. Приграничные области по обе стороны российско(советско)-китайской границы относились к зоне фронта, которой были характерны особые социальные процессы, связанные с периферийностью расположения и влиянием из-за границы. Для фронтальной зоны были свойственны и частые перемещения населения через государственные границы, которые в имперский период к тому же были достаточно подвижными. Американский востоковед Оуэн Латтимер, говоря о процессах в приграничных областях Внутренней Азии на примере Китая и Монголии, указывал на то, что пересечение границы являлось своеобразным индикатором положения кочевых народов приграничья в стране их проживания: когда положение ухудшалось в одной стране, жители приграничных областей могли пересечь границу, за которой жили их этнические собратья и там находили для себя более благоприятные жизненные условия [1]. Тем самым межгосударственные миграции становились индикатором экономического благополучия и политической стабильности страны.

Регулирование миграционных процессов в приграничных областях Российской и Цинской империй стало возможным после демаркации границ, осуществленной в результате подписания ряда двухсторонних договоров. Вопросы границы обсуждались и регулировались в том или ином виде Пекинским (1860), Чугучакским (1864), Хобдинским (1869), Тарбагатайским (1870), Ливадийским (1879) и Санкт-Петербургским (1881) договорами. Последние два из них заключались в те годы, когда Кульджинский край находился под властью России и подчинялся военному губернатору Семиреченской области, в канцелярии которого было создано Специальное управление по делам этого края. Условия возвращения Кульджинского края согласно Ливадийскому договору были более благоприятными для России: к ней отходила значительная часть Илийской долины, долина реки Текес и гор-

*Автор-корреспондент. Email: a.kamalov@turana-edu.kz

ный перевал Музарт, который соединял Кульджинский край с югом Восточного Туркестана (Синьцзяна) [2; 84]. В цинском дворе были противники таких территориальных уступок России, из-за сопротивления которых правительство отказалось ратифицировать договор. В результате в 1881 г. был заключен Санкт-Петербургский договор, по условиям которого «России отошла узкая полоса на западе Илийского края, между реками Усек и Хоргос общей площадью около 200 кв. миль», в дополнение к контрибуции и территориальным уступкам на других участках российско-цинской границы [3; 14]. С установлением советской власти в России межгосударственные миграционные процессы стали строго регулироваться государством. Начальный этап формирования советской миграционной и репатриационной политики относится ко времени гражданской войны, когда в результате военных действий большая масса военных и гражданских лиц оказалась на территории Синьцзяна.

Методы и методология исследования

Изучение ранних этапов формирования советской миграционной и репатриационной политики в отношении Синьцзяна основывается на анализе архивных документов. В настоящем исследовании были использованы материалы Государственного архива Алмагинской области и Центрального государственного архива Республики Узбекистан. Сведения архивных материалов были поставлены в широкий контекст истории межгосударственных миграций между Казахстаном и Китаем, а также истории приграничных районов. Кроме того, важными источниками информации послужили публикации видных общественных деятелей, материалы периодических изданий и другие документы из личных архивов, содержание которых нашло отражение в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Результаты и их обсуждение

Межгосударственная миграция между Китаем и Казахстаном представляет важный аспект внешнеполитических связей Казахстана в новое и новейшее время. Однако не все страницы истории этой миграции получили должное освещение в научной литературе. Исследователи до недавнего времени обращались в основном к вопросам миграционной и репатриационной политики Казахстана в период независимости. История межгосударственной миграции стала привлекать внимание исследователей в последние десятилетия. Начало изучению межгосударственных миграций между Казахстаном и Китаем было положено трудами по диаспорологии Г. Мендикуловой, особенно книгой «История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860–1960-е гг.», написанной в соавторстве с Б. Атантаевой в 2008 г. [4]. В ней на основе документальных архивных и статистических материалов впервые в казахстанской историографии была реконструирована история казахстанско-китайских межгосударственных миграций в дореволюционный и советский периоды. Большой вклад в изучение миграционной и репатриационной политики Казахстана внесла С. Кожирова, в трудах которой исследованы основные вехи российско-китайских отношений [5]. Репатриационной политике СССР в 1950–1960-х гг. посвящена специальная работа «Казахский миграционный маятник «Казахстан — Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция» российской исследовательницы Н. Аблажей [3]. В ней на основе анализа архивных материалов показана история миграции и реэмиграции казахов из Китая с 1880-х до 1960-х гг. С точки зрения миграционной политики рассмотрен большой временной отрезок, начинающийся с голода в степи 1930-х до закрытия советско-китайской границы в 1963 г., однако период гражданской войны не получил подробного освещения. Обсуждение развития приграничных районов Синьцзяна и демографического аспекта миграций можно найти в трудах Е. Садовской [6], К. Сыроежкина [7] и Ж. Аубакировой [8]. Вопросы миграции из Китая в Казахстан изучаются и в китайской историографии, однако ее основные позиции определяются китаецентрическими представлениями: китайские авторы убеждены, что миграции были результатом подстрекательства России, а затем СССР, и желанием добиться депопуляции приграничных областей Синьцзяна [9; 68–72]. Новый этап изучения миграций поздне-советского периода связан с изучением устных историй мигрантов [10].

История миграционных процессов в приграничных областях, которые регулировались государством, восходит к массовому переселению населения Илийского края в Семиреченскую область Российской империи в 1882–1884 гг. Тогда, согласно международной практике, при передаче территории одного государства другому, населению передаваемой территории предоставлялся выбор — оставаться на прежних местах и находиться под контролем новых властей или переселиться в пределы государства, уступающего земли. В соответствии с этой практикой были составлены условия догово-

ра, который представлял право жителям Кульджинского края переселиться в Семиреченскую область. В основном переселение коснулось уйгурского [11] и дунганского [12] населения Кульджинского края. Во фронтальной зоне произошло первое масштабное перемещение населения под контролем российских властей.

Миграция в Китай имело место после восстания 1916 г., которое было жестоко подавлено царскими властями, а одним из его последствий стало бегство значительной части населения приграничных областей в Кульджинский край, включая 70 тыс. казахов и 100 тыс. киргизов [13; 177]. После Русской Февральской революции 1917 г. ставился вопрос о возвращении беженцев, однако революционные события на фоне продолжающейся Первой мировой войны не позволили осуществить эти планы.

Вскоре к сосредоточившейся в Кульджинском крае массе беженцев из России присоединились беженцы периода гражданской войны (1918–1920 гг.). Под ударами Красной Армии белогвардейские подразделения, воевавшие в приграничных Семиреченской и Семипалатинской областях, уходили в Китай. По некоторым преувеличенным данным, в результате гражданской войны китайскую границу перешло около 60000 русских солдат и офицеров. На территории Синьцзяна сосредоточился большой контингент бывших солдат Российской армии, которые были разоружены китайскими властями, но как хорошо тренированная военная сила могли представлять угрозу для внутренней стабильности провинции. В ходе выполнения операций по ликвидации руководителей белогвардейской эмиграции некоторые лидеры белого движения в Синьцзяне были убиты советскими агентами (атаман Дутов), некоторые — вывезены на территорию России и казнены по решению военного трибунала (атаман Анненков), а часть русских офицеров и воинов мигрировала в другие страны.

В период гражданской войны в пределы Китая ушли не только белогвардейцы, но и жители приграничных районов, вынужденных бежать от «красного террора». К таким группам относились уйгуры Семиречья, которые особенно пострадали от гражданской войны. Несколько десятков тысяч жителей уйгурских сел Семиречья были вынуждены искать убежище в Китае. Основанием для репрессий населения уйгурских крестьян было обвинение их в участии в антисоветском восстании казаков в Верном в апреле 1918 г. Несмотря на то, что казачье восстание поддержали только уйгурские богачи и лидеры, которые в царское время и в период правления временного правительства занимали должности в местной административной системе, карательные действия Красной Армии были направлены против широких масс крестьянства. Когда Верненское восстание было подавлено, антисоветски настроенные казаки вместе с их сторонниками из числа уйгурских лидеров ушли в Китай. Красноармейский отряд во главе с комиссаром М. Мураевым в конце мая 1918 г. совершил рейд по уйгурским селам, расположенным вдоль Кульджинского тракта от Верного до села Тигермен на востоке, расстреливая из пулеметных очередей их жителей [14; 245–247]. По некоторым данным, было расстреляно около 6–6,5 тыс. человек. Расстрел остался в памяти уйгуров Семиречья как события «Ату» (расстрел) и в настоящее время ежегодно отмечается мемориальными мероприятиями в рамках Дня памяти жертв политических репрессий.

Одним из драматических последствий массового расстрела стало бегство большого числа уйгурского населения Семиречья в Кульджинский край. Согласно советским архивным данным, спасаясь от красноармейских карателей, территорию Семиреченской области покинули около 20 тыс. уйгуров [15]. Для того, что понять масштабы трагедии, обратимся к вопросу о численности уйгурского населения накануне до и после расстрела. По статистическим данным 1917 г., численность уйгуров-таранчей в Семиреченской области составила всего 60988 чел. (в Верненском уезде — 25456 чел., Джаркентском уезде — 23734, в г. Верном — 5062, в г. Джаркенте — 6736 чел.). Если из общей численности уйгуров 1917 г. вычесть 20 тыс. чел., бежавших в Китай, а также 6–6,5 тыс. расстрелянных, то останется примерно 34,5–35 тыс. чел. Тем самым человеческие потери в виде убитых и покинувших свои места людей составили примерно 57–58 % от общего числа уйгуров (без учета 1828 кашгарцев, живших в основном в Пишпекском и Иссык-Кульском уездах Семиреченской области). Эти подсчеты подтверждаются статистическими данными 1920 г., согласно которым в 1920 г. в Семиреченской области общее число уйгуров и дунган составило 45547 человек. Как видим, результатом расстрела «Ату», кроме нанесенной коллективной травмы, стало резкое сокращение уйгурского населения Семиречья. Это соответствует исследованиям казахстанских ученых, согласно которым в 1920 г. имело место уменьшение численности населения по всем губерниям, а наибольшее сокращение его на 20–21 % отмечено в приграничных Семиреченской и Семипалатинской областях [16; 2].

Сразу после бегства уйгуров в Кульджинский край руководители красноармейских карательных отрядов подняли вопрос о принятии мер по возвращению беженцев и выдачи Китаем отобранного «у бунтовщиков» оружия. Большевики хотели вернуть беженцев не из чувства сострадания к ним: хотя они об этом заявляли, но в это трудно поверить после актов «красного террора». Необходимость возвращения обосновывалась, прежде всего, экономическими причинами. В связи с тем, что большое число уйгуров и казаков покинуло Семиречье в самый разгар сельскохозяйственных работ, здесь не доставало крестьянских рук, чтобы убрать урожай с полей, а это могло привести к недостатку хлеба и, в конечном итоге, к голоду. Так, плачевная ситуация в хозяйстве села Пенджим, расположенного возле Хоргоса, описана в рапорте временного комиссара А. Куценко, хранящемся в Государственном архиве Алматинской области. В рапорте комиссара, прибывшего 28 июля 1918 г. в Пенджимский участок для распределения хлебных посевов, брошенных беженцами, говорилось: «Хлебные посевы таранчей сел Верхнего Пенджима еще никем захвачены не были, и приехавшие в одиночку таранчи обратились ко мне с просьбой [разрешить на]... в течение десяти дней привести свои семьи, а также [обещали, что] хлеба [они] уберут сами. Просьба их Совнаркомом удовлетворена, и они уехали за своими семьями» [16]. Далее комиссар просил освободить его от должности, «в виду того, что Пенджимский участок самый большой и уследить за правильным исполнением населением правил Земельной управы» один он не в состоянии, а также в виду того, что «некоторые таранчи, приезжая в одиночку ночью жнут, тут же молотят и увозят за границу» [17]

Вместе с тем необходимость возвращения беженцев диктовалась также политическими причинами. Сосредоточение в Кульджинском крае большого числа беженцев создавало угрозу советской власти. Сразу же после победы карателей в Джаркенте и ухода населения приграничных территорий в Китай стали распространяться слухи о готовящемся нападении на Красную Армию с территории Кульджинского края. На самом деле с этого времени Кульджа стала одним из заграничных центров антисоветского движения, а находившиеся здесь уйгурские, казахские и дунганские беженцы с территории Семиречья стали объектом белогвардейской пропаганды. К ним направлял посланников и руководитель белого движения адмирал А.В. Колчак. Попытки белогвардейцев привлечь выходцев из Семиречья в Кульджинском крае к комплектованию мусульманских подразделений для борьбы против большевиков оказались безуспешными.

Летом 1918 г. Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) РСФСР была создана Специальная комиссия по ведению переговоров по возвращению беженцев. Специальная комиссия была создана и при правительстве Туркестанской республики [2; 25]. В рамках деятельности последней комиссаром Мураевым предпринимаются действия по возвращению беженцев из Кульджинского края. После боев в Джаркенте летом 1918 г. Мураев двинулся дальше с целью пресечь китайскую границу и арестовать В. Любу, царского консула в Кульдже. Ему удалось только встретиться с китайским комиссаром Сюй в местности Хуэй-юань. Сообщения о двух встречах Мураева сохранились в мемуарах его помощника Мельникова. Согласно одному из рассказов Мельникова, в обмен на доступ к хлебному рынку в Илийском крае, большевики предлагали защиту китайских граждан в Семиречье. Согласно другому сообщению того же лица, в обмен на разоружение белогвардейцев и предотвращения их нападений на советскую территорию большевики предложили поддержку нелегального ввоза опиума в Китай. Встречи Мураева с представителями китайских властей, скорее всего, держались в секрете от Урумчи и Пекина, поскольку о них не сообщает ни один китайский источник. Вместе с тем на достоверность этой информации указывает жалоба белогвардейцев на существование контрабандных связей большевиков с китайскими властями. Указание на то, что Мураев планировал встречу с китайцами, имеется в русских архивных материалах. 15 июня 1918 г. на Заседании Семиреченского исполнительного комитета сообщалось, что «переговоры с китайскими властями тов. Мураев начнет на днях» [18]. Чуть позже на заседании Совета депутатов Джаркентского уезда Мураев заявил, что «им получены определенные инструкции по этому вопросу от Краевого Совета народных комиссаров, и что переговоры с Китаем по этому вопросу закончены» [19].

Что касается положения беженцев на территории Кульджинского края, то они оказались в трудных экономических условиях. В связи с наплывом беженцев здесь поднялись цены на продукты и жилье, распространились болезни. Выходцами из России был организован Временный комитет, который получил от русского консула помощь в размере 120000 рублей, а также одежду. В июле 1918 г. консул Люба направил в Туркестанский народный комиссариат иностранных дел телеграмму, в которой говорилось о желании беженцев вернуться на русскую территорию при условии, что им будет объявлена амнистия, возвращена их собственность, а ответственные за «убийство и грабеж граждан»

будут наказаны. К числу последних Люба, несомненно, относил таких карателей, как Мураев. Местные власти в Джаркенте, встревоженные уничтожением крестьянства, были готовы принять предложения Любы, однако власти в Верном наотрез отказались от обсуждения этого вопроса.

Тем временем обстановка в приграничных районах Семиречья оставалась напряженной. Нападения казаков на пограничные селения продолжались. Одним из них стало нападение в сентябре 1918 г. казачьего отряда на красногвардейцев в селе Кольжат, расположенном в 7 милях от китайской границы. В отчете об этом столкновении, отмечалось: «Кольжатских таранчей в селении нет, последние, видимо, ушли опять в Китай» [20]. Этот инцидент рассматривался большевиками как часть большой операции, которую готовили антибольшевистские силы в Кульдже. В это время связи со слухами о готовящемся нападении на села Подгорное, Чунджа, Тас-Карасу и Борохудзир, большевистские власти стали предпринимать меры по контролю над местным населением. Так, сходом села Михайловское (совр. Тургень) было вынесено решение о временном выселении из села уйгурского населения. Русские с подозрением относились к уйгурам из-за их частых поездок в Кульджу: было решено на время отправить «таранчей на пашни, у кого они есть, а у кого нет, пусть избирают на время жительство, где им угодно» [21].

В условиях постоянной угрозы нападения со стороны Кульджинского края и растущей нехватки продовольствия, в Кульджу была направлена очередная делегация в составе представителей советской власти Семиречья Малинина, Виноградова и Хоперского с целью урегулирования русско-китайских отношений. По результатам поездки 6 августа 1918 г. Чрезвычайная комиссия по международным делам вынесла следующие решения по беженцам:

«1) объявляется полная амнистия всем беженцам, независимо от национальности и степени активности выступления против Советской власти;

2) возвращение возможно как отдельными личностями, так и группами, числом неограниченным;

3) каждый возвращающийся, отдельный человек или группа должны представить Комиссии подписку-приговор о полном признании им Советской власти с обязательством не участвовать более в выступлениях против Советской власти...;

5) посева и сохранившееся имущество вернувшийся беженец получает по тем правилам, которые выработаны на этот случай местным Совдепом;

6) об убытках, понесенных беженцем от последствий событий, он может заявить подлежащей уездной Комиссии по убыткам, для зарегистрирования и проверки причиненного ему ущерба, но само удовлетворение убытков зависит от разрешения Облисполкома в зависимости от наличности средств, которыми располагает власть... Все убытки должны будут удовлетворены до 1 июля 1919 года» [22]. Советская комиссия также решала вопрос о налаживании дипломатических и экономических отношений с Китаем. В связи с экономическими трудностями в Семиречье была достигнута договоренность об открытии границы для свободной торговли частным лицам. Правительство Семиреченской области Постановлением от 19–21 августа 1918 г. разрешило свободный ввоз и вывоз товаров на любую сумму, за исключением оружия, опиума, медикаментов, соли и хлеба во всех видах, а также чая [23].

В ноябре 1918 г. упомянутый выше Мельников, бывший помощник комиссара Мураева, прибыл в Кульджу, чтобы сменить русского консула Люба, но был выдворен китайскими властями, поскольку центральное правительство Китая еще не признало советскую власть. Позже аналогичная попытка направить консулом в Кульджу эсера Павла Чегодаева также не увенчалась успехом.

В течение почти года, начиная с марта 1919 г., какие-либо связи между Семиречьем и Илийским краем прекратились из-за сосредоточения значительного количества белогвардейцев в приграничных городах Чугучаке и Кульдже и их окрестностях.

Возвращение беженцев из Кульджинского края в Семиречье началось с 1919 г., но более интенсивно стало осуществляться после заключения договора с правительством Илийского края. В мае 1920 г. в Кульджу прибыла делегация РСФСР во главе с Левитасом для переговоров с илийским «дао-инем». В результате переговоров 27 мая 1920 г. был подписан договор между представителем советской власти и правительством Илийского военного губернаторства, который получил название «Илийского временного Протокола». Этим договором открывались границы для торгового обмена и формулировались условия его осуществления. При правительствах Киргизской Республики и Туркестанской АССР, имевших общие границы с Китаем, были созданы Межведомственные комиссии по

пограничным вопросам, а проблемы возвращения беженцев решались через Отдел внешних сношений правительства Туркестанской АССР.

Все беженцы, нашедшие убежище в Кульджинском крае с 1916 до 1920 г., составляли три группы, в зависимости от причины ухода за границу: 1) коренные жители Туркестана, бежавшие в результате восстания 1916 г. (в основном казахи и киргизы); 2) уйгуры, дунгане и казахи, бежавшие в 1917–1919 гг. в результате гражданской войны; 3) белогвардейцы, ушедшие в Китай под ударами Красной Армии. Большевистские власти считали необходимым возврат двух первых категорий беженцев, в то время как возврат третьей группы считался преждевременным. Если до этого времени вопросом возврата беженцев и казахов занималась Специальная комиссия Туркестанского Центрального исполнительного комитета (ТурЦИК), отныне было решено передать эту обязанность представителю консульства РСФСР в Западном Китае (консульства в Синьцзяне перешли под юрисдикцию СССР только после договора 1924 г.). В отчете о беженцах отмечалось: «В последнее время к нашему уполномоченному в Кульдже ежедневно прибывают сотни киргиз (*казахов.* — А.К.) и таранчинцев, разутые и голодные, с детьми, требуют помощи и отправки на родину... В настоящее время на выезд зарегистрировалось 2000 мусульман-беженцев и 35 белых, а к окончанию полевых работ эта цифра поднимется до 10000» [23].

Илийский протокол был нацелен во многом на противодействие консолидации в Синьцзяне белогвардейских формирований. В соответствии с этим, приоритетным для большевиков в это время оставался возврат белогвардейцев. Так, по предписанию Сибревкома, в сентябре 1920 г. была создана Специальная комиссия для ведения переговоров с правительством Алтайского округа Синьцзяна о выдаче «бандитов, перешедших границу», под которыми понимались белогвардейцы [2; 27]. 30 апреля 1920 г. был заключен Бахтинский договор между РСФСР и Китаем, в соответствии с которым Китай обязался возвращать в Россию интернированных белогвардейцев и других беженцев. Весной этого же года гражданская война перекинулась на территорию Алтайского округа Синьцзяна, в результате чего на территории провинции оказалось почти 50 тыс. русских военных и беженцев. Вскоре Алтайский округ попал под контроль генерала Бакича, в связи с чем китайская сторона обратилась за военной помощью к России. 15 сентября 1921 г. было заключено соглашение, и в провинцию вошли подразделения Красной Армии, под ударом которых армия Бакича была выдворена в Западную Монголию. В результате весной этого года началось возвращение из Синьцзяна казахов, киргизов и уйгуров, которым занимались советские представители, а после заключения первого советско-китайского договора, с октября 1924 г. — советские консульства в Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-сумэ (Алтай) и Кашгаре.

К 2021 г., в целом, сложился государственный механизм регулирования въезда в страну иностранной рабочей силы, были разработаны основные принципы возвращения выходцев из России. На этом этапе еще не было комплексного подхода, основанного на планировании репатриации и вписывания ее в планы экономического развития страны. Беженцы, вернувшись в Семиречье и Семипалатинскую область, сталкивались с серьезными проблемами. «Значительная часть беженцев по возвращении из Китая, не имея собственных средств и инвентаря для обработки своих полей, разбрелись по городам и более экономически мощным поселкам на заработки. Только с весны 1920 г. и 1921 г. население начало возвращаться в волость, благодаря некоторой государственной помощи, в виде ссуды и незначительного снабжения инвентарем в результате земельной реформы 1921 г.», — сообщалось в Докладной записке в Джетысуйский областной комитет содействия сельскому хозяйству, датированной 1924-м г. [24].

Заключение

Основные принципы репатриационной политики были выработаны в первые годы советской власти, когда страна была охвачена пламенем гражданской войны. Они определялись идеологией большевиков, в центре которой был марксистский тезис о классовой борьбе, и интересами государства. Советские власти, заинтересованные в восстановлении разрушенного в ходе гражданской войны хозяйства, были готовы принять обратно выходцев из Русского Туркестана, оказавшихся на территории Синьцзяне. Была объявлена амнистия всем беженцам, за исключением белогвардейцев, а позже, независимо от национальности и степени активности выступления, против Советской власти. Возвращение в Россию было возможно индивидуально или группами. Каждый репатриант должен был подписать бумагу о полном признании Советской власти и взять на себя обязательство не участвовать в антисоветской деятельности, после чего ему выдавалось удостоверение на право беспрепят-

ственного перехода границы и «водворение на свое местожительство». Возвращение беженцев на ранних этапах советской власти соответствовало политике обеспечения экономической занятости населения и реализации права на пользование землей. Казахам, бежавшим в Китай до Октябрьской революции 1917 г. и в годы гражданской войны, Советская власть гарантировала право поселения в тех волостях, в том числе и приграничных, где они первоначально жили. Были также установлены правила в отношении китайских граждан, которые должны были подать ходатайство о получении гражданства через представителя НКВД в Чугучаке, административном центре Тарбагатайского округа Синьцзяна. Расселение репатриантов осуществлялось избирательно, с учетом обстоятельств бегства в Китай: многие из них направлялись в отдаленные районы. Основные принципы репатриционной политики развивались в последующие годы советской власти [5; 35–53]. Позже, в период массовой репатриации советских граждан из Китая, в 1950–1960-е гг. советские органы продемонстрировали слаженную работу по приему советских граждан, которая осуществлялась в соответствии с государственным планом и в согласовании с китайской стороной [2; 57–127].

Статья написана в рамках исследования, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № AP08856732, договор № 322 от 20.11.2020 г.).

Список литературы

- 1 Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. 2nd edition. — New-York: Capitol Publishing Co, 1951. — 585 p.
- 2 Мендикулова Г.М. История миграции между Казахстаном и Китаем в 1860–1960-е гг. / Г.М. Мендикулова, Б.Ж. Атантаева. — Алматы: СаГа, 2008. — 232 с.
- 3 Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан—Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция / Н.Н. Аблажей. — Новосибирск, 2015. — 255 с.
- 4 Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность / Г.М. Мендикулова. — Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2006. — 343 с.
- 5 Кожирова С.Б. Миграция из Китая в Казахстан: история и современность / С.Б. Кожирова. — Алматы: Мир, 2017. — 304 с.
- 6 Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Республику Казахстан: традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества / Е.Ю. Садовская. — Алматы: Раритет, 2014. — 444 с.
- 7 Сыроежкин К.Л. Нужно ли бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений / К.Л. Сыроежкин. — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014. — 432 с.
- 8 Аубакирова Ж.С. Воспроизводство населения Казахстана (этнорегиональный аспект) / Ж.С. Аубакирова. — Усть-Каменогорск, 2010. — 190 с.
- 9 Brophy D. The Uyghur Nation. Reform and Revolution on the Russia-China Frontier / Brophy D. — Harvard University Press, 2016. — 347 p.
- 10 Clark W., Kamalov A. Uighur migration across Central Asian frontiers / W. Clark, A. Kamalov // Central Asian Survey. — 23(2), 2004, 67–182.
- 11 Кабиров М.Н. Переселение илийских уйгуров в Семиречье / М.Н. Кабиров. — Алма-Ата, Наука, 1951. — 154 с.
- 12 Юсуров Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана / Х. Юсуров. — Фрунзе: Киргисиздат, 1961. — 80 с.
- 13 Piacioli N. Scales of violence: the 1916 Central Asian uprising in the context of wars and revolutions (1914–1923) // The Central Asian Revolt of 1916. A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. A. Chokobaeva, C. Drieu and A. Morrison (Ed.). — Manchester: Manchester University Press, 2020, 169–190.
- 14 Kamalov A. Links across time: Taranchis during the uprising of 1916 in Semirech'e and the "Atu" massacre of 1918 // The Central Asian Revolt of 1916. A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. A. Chokobaeva, C. Drieu and A. Morrison (Ed.). — Manchester: Manchester University Press, 2020, 227–255.
- 15 Протокол № 9 заседания Семиреченского областного съезда рабочих, солдатских, крестьянских и дехканских депутатов 15 декабря 1918 г. / Государственный архив Алматинской области. — Ф. 489. — Оп. 1 — Д. 27. — Св. 3. — С. 20.
- 16 Алексеенко Н.В. Демографические кризисы в Казахстане. XX век / Н.В. Алексеенко — Усть-Каменогорск, 2007. — 96 с.
- 17 Государственный архив Алматинской области. — Ф. 353. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 25.
- 18 Государственный архив Алматинской области. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 20. — С. 2. — С. 40.
- 19 Государственный архив Алматинской области. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 6. — Св. 1. — С. 22.
- 20 Государственный архив Алматинской области. — Ф. 357. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 25.
- 21 Государственный архив Алматинской области. — Ф. 357. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 37.

22 Постановление Туркестанского краевого совета народных комиссий, 14 августа 1918 г. Джаркент / Государственный архив Алматинской области. — Ф. 489. — Оп.1. — Д.156. — Св.11. — С. 21.

23 Государственный архив Алматинской области. — Ф. 489. — Оп 1. — Д. 103. — Св. 86. — С. 20.

24 Государственный архив Алматинской области. — Ф. 370. — Оп. 1. — Д. 426. — Св. 34. — С. 1–4.

А.К. Камалов

Шыңжаңға қатысты кеңестік репатриациялық саясаттың қалыптасуының алғашқы кезеңі туралы

Мақалада әртүрлі уақытта Қытайдың Шыңжаң провинциясындағы Құлжа өлкесінен пана алған, Ресейден келген иммигранттарға қатысты кеңестік репатриациялық саясаттың қалыптасуының алғашқы кезеңі қарастырылған. Саяси катаклизмдер — элеуметтік төңкерістер мен азамат соғысының нәтижесінде XIX ғасырдың басында Шыңжаңның шекаралас аудандарының аумағында кеңес өкіметі үшін қауіп көзі ретінде қарастырылған Ресейден келген босқындардың едәуір саны шоғырланды. Бұл қауіп көзін жоюдың бір әдісі олардың Отанына оралуы болды, оған бұрынғы Ресей империясының жақсы оқытылған жауынгерлерінің өз аумағында болуын қаламаған Қытай билігі де қызығушылық танытты. Ресейден келген иммигранттарды қайтару қажеттілігі жойқын азаматтық соғыстан кейін экономиканы қалпына келтіру үшін қажет адами ресурстарға деген қажеттілікке байланысты болды. Сонымен қатар мақалада большевиктік идеология мен кеңес мемлекетінің мүдделері аясында қалыптасқан кеңестік репатриациялық саясаттың негізгі принциптері зерттелген. Бұл қағидаттар кеңес өкіметінің кейінгі онжылдықтарында, ал 1950–1960 жылдары кеңес азаматтарының Шыңжаңнан жаппай оралуы кезінде, олардың тарихи отанына оралу процесі Қытай тарапымен келісе отырып, жоспарлы түрде жүргізілген кезде жетілдірілді.

Кілтсөздер: мемлекетаралық көші-қон, оралман саясаты, Жетісу, Шыңжаң, Құлжа аймағы, азамат соғысы.

A.K. Kamalov

On the early stage of the Soviet repatriation policy towards Xinjiang

The article examines the early stage of formation of the Soviet repatriation policy in relation to immigrants from Russia who received asylum at various times in the Kulja district of the Chinese province of Xinjiang. In the result of political cataclysms — social revolutions and civil war, at the beginning of the XIX century, a significant number of refugees from Russia concentrated on the territory of frontier areas of Xinjiang. Those people were considered as a source of threat to the Soviet government. One of the ways to eliminate this source of threat was their repatriation to homeland, in which the Chinese authorities were also interested, since they did not want well-trained soldiers of the former Russian Empire to stay on their territory. The need to repatriate immigrants from Russia was also due to the need for human resources, which were so necessary for economic recovery of the country after the devastating civil war. The article analyzes basic principles of the Soviet repatriation policy, which were formed within the framework of the Bolshevik ideology and interests of the Soviet State. These principles were improved in the following decades of existence of the Soviet power. By the time of the mass repatriation of Soviet citizens from Xinjiang in the 1950–1960s, a process of their return to historical homeland was carried out in a planned form, in coordination with the Chinese side.

Keywords: interstate migration, repatriation policy, Semirechye, Xinjiang, Kulja region, civil war.

References

- 1 Lattimore, O. (1951). Inner Asian Frontiers of China. 2nd edition. New-York: Capitol Publishing Co.
- 2 Mendikulova, G.M., & Atantaeva, B.Zh. (2008). Istoriia migratsii mezhdu Kazakhstanom i Kitaiem v 1860–1960-e gg. [The history of migration between Kazakhstan and China in the 1860s-1960s]. Almaty: SaGa [in Russian].
- 3 Ablazhei, N.N. (2015). Kazakhskii migratsionnyi maiatnik «Kazakhstan–Sintsian». Emigratsiia. Repatriatsiia. Integratsiia [Kazakh migration pendulum "Kazakhstan-Xinjiang". Emigration. Repatriation. Integration]. Novosibirsk: n/a. [in Russian].
- 4 Mendikulova, G.M. (2006). Kazakhskaiia diaspora: istoriia i sovremennost [Kazakh diaspora: history and modernity]. Almaty: Vsemirnaia assotsiatsiia kazakhov [in Russian].

- 5 Kozhirova, S.B. (2017). Migratsiia iz Kitaia v Kazakhstan: istoriia i sovremennost [Migration from China to Kazakhstan: history and modernity]. Almaty: Mir [in Russian].
- 6 Sadovskaia, E.Yu. (2014). Kitaiskaia migratsiia v Respubliku Kazakhstan: traditsii Shelkovogo puti i novye vektory sotrudnichestva [Chinese migration to the Republic of Kazakhstan: traditions of the Silk Road and new vectors of cooperation]. Almaty: Raritet, [in Russian].
- 7 Syroezhkin, K.L. (2014). Nuzhno li boiatsia Kitaia: mify i fobii dvustoronnikh otnoshenii [Should we be afraid of China: myths and phobias of bilateral relations]. Almaty: IMEP pri Fonde Pervogo Prezidenta [in Russian].
- 8 Aubakirova, Zh.S. (2010). Vosproizvodstvo naseleniia Kazakhstana (etnoregionalnyi aspekt) [Reproduction of the population of Kazakhstan (ethno-regional aspect)]. Ust-Kamenogorsk: Librius [in Russian].
- 9 Brophy, D. (2016). The Uyghur Nation. Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Harvard University Press.
- 10 Clark, W. & Kamalov, A. (2004). Uighur migration across Central Asian frontiers. *Central Asian Survey*. 23(2), 167-182.
- 11 Kabirov, M.N. (1951). Pereselenie iliiskikh uigurov v Semireche [Resettlement of the Ili Uighurs in Semirechye]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 12 Yusurov, Kh. (1961). Pereselenie dungan na territoriiu Kirgizii i Kazakhstana [Resettlement of the Dungans to the territory of Kyrgyzstan and Kazakhstan]. Frunze: Kirgizisdat [in Russian].
- 13 Pianciola, N. (2020). Scales of violence: the 1916 Central Asian uprising in the context of wars and revolutions (1914-1923). *The Central Asian Revolt of 1916. A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*. A. Chokobaeva, C. Drieu, A. Morrison (Ed.). Manchester: Manchester University Press, 169-190.
- 14 Kamalov, A. (2020). Links across time: Taranchis during the uprising of 1916 in Semirech'e and the "Atu" massacre of 1918. *The Central Asian Revolt of 1916. A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*. A. Chokobaeva, C. Drieu, A. Morrison (Ed.). Manchester: Manchester University Press, 227-255.
- 15 Protokol No 9 zasedaniia Semirechenskogo oblastnogo sezda rabochikh, soldatskikh, krestianskikh i dekhkanskih deputatov 15 dekabria 1918 g. [Minutes No. 9 of the Meeting of the Semirechye Regional Congress of Workers, Soldiers, Peasants and Dekhkan Deputies December 15, 1918] Gosudarstvennii arkhiv Almatinskoi oblasti. – F. 489, Op.1, D. 27, Sv. 3, 20 [in Russian].
- 16 Alekseenko, N.V., & Alekseenko, A.V. (2007). Demograficheskie krizisy v Kazakhstane. XX vek [Demographic crises in Kazakhstan XX century.]. Ust-Kamenogorsk: n/a [in Russian].
- 17 Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archives of Almaty Region]. – F. 353, Op. 1, D. 6, 25 [in Russian].
- 18 Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archives of Almaty Region]. – F. 489, Op. 1, D. 20, 40 [in Russian].
- 19 Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archives of Almaty Region]. – F. 489, Op. 1, D. 6, sv. 1, s. 22 [in Russian].
- 20 Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archives of Almaty Region]. – F. 357, Op. 1, D. 2, l. 25 [in Russian].
- 21 Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archives of Almaty Region]. – F. 357, Op.1, D. 2, l. 37 [in Russian].
- 22 Postanovlenie Turkestanskogo kraevogo soveta narodnykh komissii, 14 avgusta 1918 g. Dzharkent. Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archives of Almaty Region]. – F. 489, op. 1, d. 156, sv. 11, s. 21 [in Russian].
- 23 Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archives of Almaty Region]. – F. 489, Op. 1, D. 103, Sv. 86, s 20 [in Russian].
- 24 Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archives of Almaty Region]. – F. 370, Op. 1, D. 426, Sv. 34, s 1-4 [in Russian].